

КАК ОПЕРЕТТУ НЕ ЛЮБИТЬ!

Каким он должен быть, герой в оперетте? Внешность? Конечно, да. Для героя приятная внешность — это необходимо. Сценическое обаяние? Без него вообще нет актера. Голос? Безусловно! Ведь на герое лежит основная музыкальная нагрузка, а музыка — главное богатство оперетты. Драматический дар? Наверняка. Комедийный дар, юмор? Обязательно. Ведь оперетта — это комедия. А пластика? А манеры? Легкость? Изящество? Сценическая свобода?

И все это должно быть соединено в одном актере? Да! Но ведь это же страшно трудно? Конечно!

Но зато, когда такое вот сочетание встречается, мы говорим, что перед нами настоящий опереточный герой.

Думается, сочетание подобных качеств есть в актере Краснодарского театра оперетты Евгении Василевском.

Но сочетание еще не все. Важно, насколько умеет использовать он эти данные для главной цели — создания сценического образа.

Три спектакля — три роли. В «Моей прекрасной леди» Е. Василевский играет профессора Хиггинса в «Сердце балтийца» — Селиванова, в «Марице» — Тассило. Роли разные. Очень. И актер в них совсем разный — это уже отрадно.

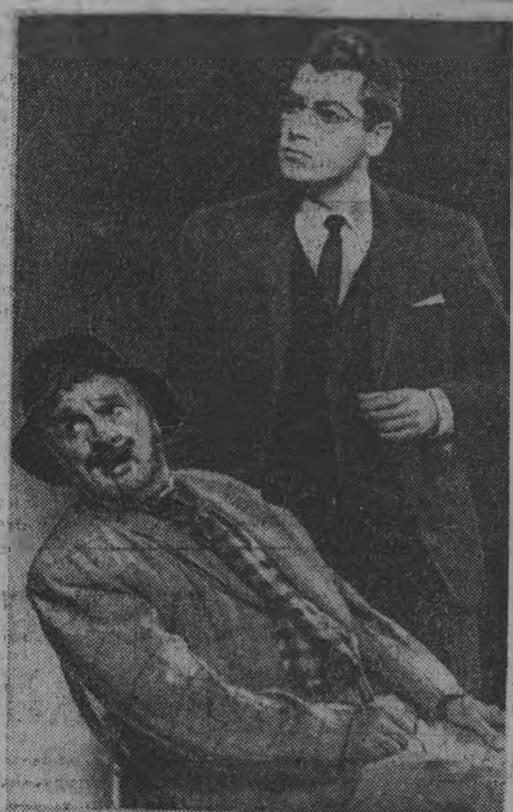
«К чертовой бабушке!» — свое любимое проклятие Хиггинс — Василевский повторяет на протяжении спектакля множество раз, и всякий раз — с иным подтекстом. В этой фразе — то сарказм, то тонкая улыбка, то насмешка над самим собой, то злость.

Сарказм, ирония, улыбка — для Е. Василевского главный эмоциональный стержень роли.

Созданная по пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион», оперетта «Моя прекрасная леди» дает актерам отличный материал и в то же время позволяет делать опасные сравнения — ведь «Пигмалион» шел и идет на сценах крупнейших драматических театров страны! Профессор Хиггинс — Василевский отлично выдерживает это сравнение. Он умен и талантлив, его герой. Он несносен в своей самоуверенности и смехон в неприспособленности к жизни. Он ироничен, а то и зол. Он истинный англичанин, в котором заложенные с детства отличные манеры сочетаются с этаной недопустимой для джентльмена грубостью и нарушениями этикета, тонкий ум и культура — с эгоизмом избалованного человека, обаяние — с насмешкой над всякого рода проявлениями эмоций.

Чувство меры (необходимое в любом спектакле, а в комедии — особенно) не изменяет актеру. Чувство меры и искренность. Хиггинс — Василевский искренен и потому обаятелен и смехон в сценах уроков, которые дает Элизе. Ох, уж эта ломающая язык поговорка «Карл у Клары украл кораллы!» Сколько мук причиняет она ученице и учителю! А помните, как заразительно, весело, с подкупающей искренностью и шаловливостью проводит Василевский ту сцену, в которой Хиггинс ликует по поводу удаче Элизе. Какие культы выдвигает, какие моленца! И все это легко, в плане спектакля, нигде не спускаясь до «опереточной» дешевки, игнорируя публику. И как искренне он печален драматичен в сценах «прозрения», когда, наконец, начинает понимать истинную цену дружбы и любви. Как сдержанно, скромно, со вкусом проводит последнюю сцену с Элизой.

В образе бесшабашного, отчаянного баловня судьбы Славики Селиванова из музыкальной комедии К. Листова «Сердце балтийца» — все не похоже на предыдущую роль; манеры, походка, интонация, самый звук голоса. Здесь проявляются иные качества артиста. Правда, пожалуй, здесь Ва-

силевскому не всегда хватает тонкости рисунка, интонационной отточенности каждой фразы, которые подкупают в роли Хиггинса.

Сложные у Селиванова отношения с Ксенией — молодой поэтессой. Он то влюблен по-настоящему, то пытается убедить себя, что влюблен. Сложно складываются и его отношения со спасенной им, любящей его Машей. К тому же Машу самозабвенно любит друг Селиванова, Павел Горновой. Все это дает возможность раскрыть внутренний мир Селиванова не однозначно — во всей полноте, в развитии.

Да, актер еще не использует всех возможностей, которые дает роль. Порой он подает текст, забывая о подтексте. Некоторым сценам не хватает внутренней логики.

Вот Селиванов узнает, что его друг любит Машу. Но сцена эта как-то «смазана» актером. Отношение Селиванова к неожиданному открытию остается неясным. Точнее следовало бы расставить акценты, проследить логику чувств в сценах Селиванова с Ксенией. Заставить Селиванова больше думать, где-то больше молчать... И — подтекст, подтекст! Актер вполне может прочесть роль и глубже и тоньше. Тем более — ему вполне удастся это не только в роли Хиггинса, но и в такой, казалось бы, условно-опереточной роли, как Тассило в «Марице».

При всех недостатках либретто венские оперетты привлекали и привлекают зрителя чарующей музыкой, нарядностью, искрометной молодостью, упругим внутренним ритмом, создающими на сцене атмосферу праздника. Актеров они привлекают и еще одним — классическую и венскую оперетту принято считать школой мастерства. Именно здесь молодой актер может научиться изяществу, легкости, пластике, непринужденности, какие необходимы для создания художественного образа в любом спектакле опереточного жанра.

Евгений Василевский успешно овладевает этой школой. Его Тассило молод, изящен, темпераментен, ярок. Он умело носит фрак, легко ведет диалог. Есть в нем необходимый заряд жизнелюбия, юмора, лукавства, есть и необходимая в венской оперетте глубина чувств. И как жаль, что многое в этом спектакле не содействует созданию праздничной атмосферы и не помогает актеру.

Так хочется, чтобы в сценической жизни Е. Василевского всегда было много ролей, хороших и разных, дающих интересный материал для творческих исканий, для совершенствования мастерства. И. РИФ.

На снимке: сцена из спектакля «Моя прекрасная леди». В роли Хиггинса — Е. ВАСИЛЕВСКИЙ, в роли Альфреда Дулиттла — заслуженный артист РСФСР Б. ПЕТРОВСКИЙ.

Фото А. Нагибина.

МБ АВГ 1969
Уральский Рабочий